

УДК 821.161.113

**О МИФОТВОРЧЕСТВЕ Н. А. НЕКРАСОВА
(АВТОМИФ, ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МИФА
В ПРОЗЕ 1840–50-Х ГОДОВ И ИХ КОРРЕКЦИЯ
В ЗРЕЛОЙ ЛИРИКЕ ПИСАТЕЛЯ)**

© Галина Шпилевая

**N. A. NEKRASOV'S MYTH MAKING (AUTOMYTH, FORMATION OF THE
NATIONAL MYTH IMAGES IN THE PROSE OF THE 1840s–1850s AND
THEIR CORRECTION IN THE WRITER'S MATURE LYRICAL WORKS)**

Galina Shpilevaya

The article discusses N. A. Nekrasov's myth-making as part of his biography and creative activity, which has been the focus researchers' attention, but not fully studied. This scientific approach will enable us to clarify the writer's reasons for creating an automyth, reflected in his prose and lyrical works. This work aims to summarize the features of Nekrasov's national myth, which allows us to consider its author to be a folk poet who described substantial (in Hegel's interpretation) features of life, supported folklore traditions and was favored by readers from all walks of life. By analyzing Nekrasov's prosaic intentions in his mature lyrical works, we have established that some of the models, set in public consciousness and literature, can be either confirmed or refuted by the writer's artistic logic. For example, the myth of a noble businessman or a successful entrepreneur (in the novel "Three Countries of the World") is not supported in such poems as "The Secret" or "The Railway", where the wealthy character makes a fortune through dishonest means or is known for his ruthless exploitation of people from democratic underclass. Of special importance is the study of Nekrasov's attitude to commercial literature that he used to produce to be able to maintain his journalistic and publishing activities (for example, his work with A. Ya. Panaeva on the feuilleton novel "The Dead Lake"). The literature commercialization process, which began in France and in England, captured Russian literature as well, making it possible for the art of the word to access not only highly educated but also mass readers. However, fiction (both entertaining and enlightening literature), which required a lot of effort, could not satisfy the needs of this artist. Nekrasov's main achievements are in his mature lyrical works, supporting and developing the myths that mirrored the most important aspects of national mentality.

Keywords: automyth, N. A. Nekrasov, prosaic intentions, mature lyrical works, commercial literature, national myth.

В статье рассматривается такой аспект биографии и художественной деятельности Н. А. Некрасова, как мифотворчество, привлекающее внимание исследователей, но полностью не изученное. Данный научный подход позволит уточнить причины, побудившие художника прибегнуть к такому явлению, как автомиф, отразившийся в прозе и лирике писателя. Данная работа создавалась с целью обобщить некоторые черты сотворенного Некрасовым национального мифа, что позволяет считать его автора народным поэтом, отразившим субстанциальные (в гегелевском истолковании) черты жизни, поддержавшим фольклорные традиции, востребованным читателями из всех слоев общества. В результате анализа прозаических интенций в зрелой лирике Некрасова установлено, что некоторые сложившиеся в общественном сознании и литературе модели были подтверждены или опровергнуты художественной логикой писателя. Например, миф о благородном деловом человеке или об удачливом предпринимателе (в романе «Три страны света») не поддержан в таких стихотворениях, как «Секрет» или «Железная дорога», где обеспеченные персонажи нажили состояние нечестным путем или прославились безжалостной эксплуатацией людей из демократических низов. Особого внимания заслуживает изучение отношения Некрасова к коммерческой литературе, производителем которой он сам являлся в целях поддержания своей журналистской и издательской деятельности (например, совместная работа с А. Я. Панаевой над романом-фельетоном «Мертвое озеро»). Процесс коммерциализации литературы, начавшийся во Франции и Англии, захватил и отечественную словесность, что позволило сделать искусство слова массовым, доступным не только высокообразованному читателю. Однако беллетристика (литература развле-

кательная и просвещающая), которой было отдано много сил, не могла удовлетворить потребности Н. А. Некрасова, и главные его свершения – в зрелой лирике, поддержавшей и развившей мифы, отразившие важнейшие аспекты национальной ментальности.

Ключевые слова: автомиф, Н. А. Некрасов, прозаические интенции, зрелая лирика, коммерческая литература, национальный миф.

Под мифом будем понимать «фантазии, обобщенно отражающие действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ» [Литературный энциклопедический словарь, с. 224]. В данной работе будет рассматриваться та эпоха мифотворчества, когда «трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает уже не внешняя природа, а сотворенная им самим цивилизация, отчего мифологическое мироощущение приобретает преимущественно не героический, а трагический или даже трагифарсовый, гротескный характер» [Там же, с. 224]. По словам С. С. Аверинцева и М. Н. Эпштейна, современную (не архаичную) мифологию питает «именно повседневность с ее рутинным социальным и житейским опытом», поэтому «возможно сращение мифологизма» и сферы «натуралистически-бытовой» [Там же].

Н. А. Некрасов, как и многие художники, был склонен к созданию мифов относительно своей семьи, друзей, а также стремился к использованию в образной системе произведений сложившихся национальных мифов. Что касается автомифологии, то выдающийся писатель создавал автобиографию (и даже автобиографии), иногда отличающуюся от реальной собственной биографии, что указывает на высокую степень эмпатии: автор, подчиняясь воздействию современных ему социально-эстетических стереотипов, стремился максимально вписаться в свою эпоху. С. В. Смирнов, автор исследования «Автобиографии Некрасова», отмечал, что один из главных мифов (побуждавший зрелого Некрасова «снять с души» грех) питало несправедливое отношение к своему «отцу-крепостнику», зафиксированное в ранних стихотворениях и устных высказываниях. Прогрессивный поэт «не мог бы даже отнестись снисходительно, не осуждая, к отцу-крепостнику, это было бы нарушением логики его развития, его эстетики» [Смирнов, с. 6], – отмечает исследователь. При этом существуют свидетельства о том, что отец Некрасова был «помещик, сам вникавший в крестьянский труд и быт» [Там же, с. 9], а в его письмах «много заботы и тревоги, сетований на свое одиночество, рассказов о попытках упрочить семейное благосостояние» [Там же, с. 18]. К образу деспотародителя добавляется образ матери-страдалицы, и, «по закону мифотворчества, он диаметрально

противоположен отцу», хотя его сопровождают «отсутствие конкретных ситуаций и обстоятельств, никакой повседневности, но яркая декларация – в данном случае – фанатического боготворения» [Там же, с. 19].

Существующие автомифы, то есть сведения, корректирующие реальную биографию писателя, опровергают даже дату реального приезда юного Некрасова в Петербург – скорее всего, после 4 августа 1838 г. Однако из записи С. Н. Кривенко (сделанной со слов Некрасова) следует, что будущий автор сборника «Мечты и звуки» (1840) прибыл в столицу в легендарном 1837 г., в год смерти Пушкина: «поэт умер, да здравствует поэт!» [Там же, с. 26].

Известно, что Некрасов не скрывал, а охотно рассказывал и писал (в различных вариантах) о своих «петербургских мытарствах», то есть пережитых материальных трудностях в холодной, официальной и равнодушной Северной Пальмире. Данные сведения, конечно, имеют реальную основу, но важно и то, что они стали базой для «идеологической биографии» выдающегося русского поэта (действительно воспевавшего народные страдания), повествующей о жизненной школе, указывающей на истоки «многих его наклонностей и обыкновений» [Там же, с. 32]. Но не будем забывать, что «идеологическая биография» является выпрямленной, сокращенной, лишенной важных подробностей, существенно корректирующих реальное существование молодого Некрасова. Достаточно почитать труды А. С. Суворина («Недельные очерки и картинки»), С. Н. Кривенко («Из рассказов Некрасова»), А. Я. Панаевой («Воспоминания»), Ф. С. Глинки («Из прошлого»), чтобы в этом убедиться. Очевидно, что «подлинные», осознанные и «неосознанные» [Юнг, с. 39] факты из воспоминаний самих писателей (а также факты, «забытые» ими, опущенные, неучтенные) маркируют процессы, протекающие в сферах психологии искусства. В данном случае пережитые и отраженные в нескольких «автобиографиях» (а затем перешедшие в «поэтическую биографию») невзгоды сродни «одухотворению архетипа» (благородная бедность, инициация посредством лишений, мужание), они «возвышают личную судьбу до судьбы человечества и таким путем высвобождают <...> те спасительные силы, что извечно помогали человечеству избавляться от любых

опасностей и превозмогать даже самую долгую ночь» [Там же, с. 284]. Так, создавая образ Другого (сына изверга-отца и кроткой матери, голодного юного литератора), Некрасов показал пройденный им путь к Себе, преодолевшему трудности и состоявшемуся человеку, способному и болезненно сострадать неимущим, а порой корить себя за праздность и готовность к компромиссу.

1840–50-е гг. в отечественной литературе, как известно, отмечены усилением писательского и читательского интереса к непризнанной в XVIII веке прозе («смирненной», по определению В. Г. Белинского) и «гонениям» на стихи (романтические по своей идеологической и поэтологической направленности). Стихотворения признанных сегодня классиков встречались колкими пародиями (на знаменитое фетовское «Шепот, робкое дыханье...» (1850) их было написано более двадцати), поэты, опасаясь критики, прятали свои шедевры «в стол», от «стихоненавистников» пострадал и молодой Некрасов, так как его сборник «Мечты и звуки» снискал как сдержанно положительные, так и резко отрицательные отзывы.

Некрасов, чутко реагирующий на запросы книжного рынка и современные ему литературные веяния, обращается к прозе, что было поддержано соратниками по «натуральной школе» (В. Г. Белинским, В. И. Далем и пр.). Некрасов-критик вполне логично и объективно обосновал свое (и общелитературное) тяготение к повестям, фельетонам и романам в статье «Русские второстепенные поэты» (1849): язык был еще не готов для перехода к новой поэзии, которая требует особой «формы».

Проза молодого Некрасова, будучи во многом подражательной (писатель ориентировался на Я. П. Буткова, Ф. В. Булгарина, А. Ф. Вельмана, Н. В. Кукольника, В. Т. Нарезного, Н. А. Полевого, В. А. Соллогуба, А. В. Тимофеева, а из зарубежных писателей – на Ч. Диккенса, А. Р. Лесажа, Жорж Санд, Э. Сю и др.), представляет большой интерес для исследователей и потому, что она во многом автобиографична (в ней отражены «лично пережитые и выстраданные невзгоды» [Горленко, с. 151]) и содержит «ростки» поэтических образов зрелого поэта-реалиста.

Когда молодой прозаик начинал писать свои первые произведения, он имел немного образцов, которым можно было подражать: «полусправедливая» повесть, романтическая повесть, авантюрный роман, «роман дороги» (фабульная основа – путешествие героя), поэтому одна из частей незаконченного романа «Жизнь и походе-

ния Тихона Тростникова» (1843–1848) называлась «Похождения русского Жильблэза» (по аналогии с лесежевским знаменитым произведением, которому подражали А. Ф. Вельман, Ф. В. Булгарин, В. И. Даль, В. Т. Нарезный, Н. А. Полевой и другие русские беллетристы – писатели «второго ряда»).

Беллетристика Некрасова – это, как и следовало ожидать, «формульная литература, отличающаяся высокой степенью стандартизации» [Мельников, с. 233], хотя писатель сумел внести в свой эскиз романа автобиографический элемент и отразил современные ему нравы и быт. Подражательная литература следует законам сложившейся в определенных сферах мифологии, поэтому Некрасов поддерживает традиционно закрепившиеся в развлекательных произведениях образы. 1840-е гг. – время зарождения ростков капитализма, недаром в это время изображают «деловых» людей Н. В. Гоголь, а затем и А. Н. Островский – «Колумб Замоскворечья». Некрасовский Тихон Тростников – герой, который вобрал черты не только своего творца, делающего первые шаги в литературе, терпящего нужду («петербургские мытарства») и пытающегося преодолеть материальные трудности. Данный персонаж-авантюрист – это собирательный образ энергичных молодых людей (сродни пикаро), совершающих многочисленные авантюрные деяния («чаще дурного, чем благородного свойства» [Манн, с. 16]). Очевидно, что такой вариант решения проблем не мог устроить зрелого Некрасова-поэта, поэтому миф об авантюристе-беллетристе подвергается впоследствии сомнению, например, в стихотворении «Деловой разговор» (1851), которое представляет собой диалог Подписчика и Журналиста. Можно предположить, что миф о необходимости коммерциализации русской литературы развенчивается выдающимся русским поэтом Некрасовым, и «Деловой разговор» является исповедью и покаянием издателя и беллетриста, объясняющего свою литературную «деловитость» потребностями отечественного рынка (все же ориентированного на моду западной литературы):

По мне бы переводы
 Пора бы выводить решительно из моды,
 А много перевести романа два-три в год...
 Не спорю: хороши французские романы,
 И в аглицких меня пленяет здравый ум...
 Но мы читаем их, как дети, наобум
 <...>
 То ль дело русский быт и русское житье?
 Природа русская?.. Жизнь русская знакома
 Так каждому из нас, так любим <...> [Некрасов, т. 1, с. 88].

При этом уже в стихотворении «Блажен злобивый поэт...» (1852) Некрасов показал и истинного художника, который «проповедует любовь / Враждебным словом отрицанья», не боится гонений и хулы, не ищет славы. Так противопоставляются успешный, благополучный поэт и тот, другой, решившийся пройти «тернистый путь». Как видно, Некрасов отразил в своем творчестве и свои личные раздумья о собственных путях в литературе, о своей гражданской позиции.

Если миф об успешном литераторе-беллетристе (создающем за один вечер очерк-зарисовку из петербургского быта («Петербургские углы»), водевили-«однодневки» и пр.) подвергается сомнению в реалистической лирике Некрасова, то образ удачливого предпринимателя из внелитературных сфер еще менее поддержан зрелым поэтом. В 1848 г. Некрасов и А. Я. Панаева (литературный псевдоним – Станицкий) для «поддержания журнала» (имеется в виду «Современник») и «привлечения подписчиков» [Шпилева, с. 110] пишут развлекательный роман (с элементами романа-дороги, так как в основе лежит путешествие главного героя Каютина по просторам России) «Три страны света». Подражая популярным французским литераторам (А. Дюма, Ж. Жанену, Э. Сю), создававшим романы-фельетоны (печатались частями, из журнального или газетного номера в номер), русские беллетристы спешно работают над своим «легким чтивом», о котором скептически высказался один из авторов – сам Некрасов: «Прозы моей надо касаться осторожно. Я писал из-за хлеба много дряни...» [Некрасов, т. 13, кн. 2, с. 60]. Однако соавторы отдали данному произведению много времени и сил, воспели смелого путешественника и предпринимателя Каютина, заработавшего много денег для своей невесты Полинки. Зрелая лирика Некрасова в целом опровергает миф об удачливом, бескорыстном и благородном «деловом человеке», да и все русские классики скептически отнеслись к народившемуся капиталисту (если вспомнить «Мертвые души» Н. В. Гоголя, гончаровского «Обломова», «дельцов» Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого) в отличие от беллетристов (если учесть персонажей, например, боборыкинских романов, героев прозы Д. Н. Мамина-Сибиряка и пр.), поддержавших последователей (но морально «улучшенных») «дельца-подлеца» Чичикова. Русские писатели-классики, творившие не только для своих современников, но и для потомков (то есть «на века»), чаще опровергали идею обогащения, с чем согласился и Некрасов, создав образ жестокого и

невежественного «подрядчика» в своей «Железной дороге» (1864) или «коршуна» в «Секрете» (1855), где наследники умирающего «делового человека» ждут его кончины («с нетерпением»), «гуляют с ключами» по дому и ищут припрятанные ценности:

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, коршун, награда
За жизнь воровскую твою! [Некрасов, т. 1, с. 161].

Однако в зрелой лирике Некрасова, безусловно, есть образы, которые являются продолжением (а не опровержением) мифов (с уверенностью назовем их национальными), ставших сюжетообразующими в прозе молодого писателя. Это касается прежде всего ненадуманного мифа о «страдающем герое» – следствии отражения реальных условий жизни. Например, в ранней повести «Жизнь Александры Ивановны» (1841) показана горькая судьба героини, возвращенной после отъезда барыни-благотельницы «в прежнее состояние» [Евгеньев-Максимов, т. 1, с. 270], то есть к прежней бедной жизни. Аналогичная история рассказана в знаменитом стихотворении «В дороге» (1845), где Груша, воспитанная помещиками в богатом доме в качестве «компаньонки» их дочери, после смерти барина была выдана за ямщика. Жизнь Груши трагична, она не приспособлена к крестьянской жизни (не может «ни косить, ни ходить за коровой»), что ведет ее к тяжелой болезни и, видимо, к скорой кончине:

– Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
[Некрасов, т. 1, с. 11].

Не опровержение, а развитие национального мифа (в некрасовском творчестве он определился уже в ранней прозе, например в упомянутых романах «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», «Три страны света» или «Повести о бедном Климе») о страданиях бедного крестьянина, небогатого горожанина мы найдем в зрелой лирике Некрасова: тяжелые условия жизни стали объектом изображения в таких поэтических шедеврах, как «Размышления у парадного подъезда», «Вчерашний день, часу в шестом...», «Гробок», «Пожарище», «Еду ли ночью по улице темной...». Последнее стихотворение наваяло среди современников устойчивое выражение – «пережить некрасовскую ночь» (то есть трагическую, полную лишений), о чем можно судить по воспоми-

нениям и письмам А. А. Шкляревского, Ап. А. Григорьева. Как не вспомнить о бедах и унижениях бедняков из прозы молодого Некрасова, читая его драматическое стихотворение «Вор» (1850) с изображением «безобразной» городской сцены (в которой поэт отрефлексировал и свое отношение к общему «болезненному состоянию города») [Скобелев, с. 154]).

В 1853–1855 гг. Некрасов попытался создать еще один роман – «Гонимый человек, его приключения и наблюдения», где изобразил управляющего Потанина, «праведного бурмистра», который, по справедливому замечанию К. И. Чуковского, «самоотвержен, бескорыстен до святости» [Чуковский, с. 17]. О нем в сказовой форме ямщик поведал следующее:

Уж какой человек! Мужик то есть каких в редкость; кажись, и нет другого такого; приди малый ребенок – он с малым ребенком будет говорить. <...> Да вот уж, почитай, тридцать лет сидит управляющим, пальцем никого не тронул, а строг, точно строг [Некрасов, т. 8, с. 328].

В комментариях к данному роману отмечено, что упомянутый честный и справедливый Потанин – реальное лицо, «крепостной крестьянин, управляющий вотчиной А. Ф. Орлова» [Некрасов, т. 8, с. 761]. Авторы комментариев замечают, что данный персонаж призван показать интерес автора к «общинным» проблемам, так как «Некрасов в начале 1850-х гг. в какой-то мере разделял утопические иллюзии» [Там же, т. 8, с. 764].

В романе «Мертвое озеро» (1851) также действует «почтенный управляющий» Иван Софронич, переживающий невзгоды своего «барина» как свои собственные. Если вспомнить Ермила Гирина (поэма «Кому на Руси жить хорошо»), снискавшего народную любовь и почтение «не колдовством, а правдою», то в данном случае правомерно видеть поддержание сложившегося национального мифа о крестьянине-праведнике.

До сих пор мы рассматривали прозаические интенции в лирике Некрасова, однако в романах писателя можно наблюдать активное поддержание сложившихся в обществе и литературе мифов, не перешедших в его поэзию или слабо выраженных в ней. Например, в упомянутом выше романе «Мертвое озеро» можно видеть текст карточной игры, а также обширный «цыганский» текст, неоднократно представленный в отечественной и зарубежной литературе (пушкинские «Цыганы», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Кармен» П. Мериме и пр.).

Счастье продолжало благоприятствовать Ивану Софроничу: в следующий вечер он отыграл еще около ста тысяч [Некрасов, т. 10, кн. 1, с. 463], –

читаем в упомянутом романе. Можно предположить, что деревенские помещики или городские жители, получившие некрасовский журнал, с интересом следили за профессионально описанной автором карточной игрой, закончившейся успешно (имение было спасено, «отыграно»).

Табор поуспокоился и разделился на группы. В одной стороне пели хором цыганки молодые, в другой, у костра, играли в засаленные карты цыганы, окруженные зрителями. <...> До самого рассвета в таборе раздавался гул песен и плясок. Гость горстями бросал деньги. Когда он готовился уезжать, табор собрался в кучу. Начальник цыган что-то сказал им. Они радостно закивали головами, женщины стали охорашивать цыганку, которая оставалась холодна к окружающему» [Некрасов, т. 10, кн. 1, с. 378], –

читаем в том же романе. Разумеется, дело закончилось тем, что богатый «гость» увез с собой цыганку, реализовав достаточно частую (как в жизни, так и в литературе) модель «любовь дикарки и цивилизованного человека». Известно, что молодые дворяне (среди них – брат и дядя Л. Н. Толстого) влюблялись в цыганок-хористок, выкупали их, а затем увозили (иногда даже женились на них). Как видно, Некрасов-беллетрист был необычайно чуток к сложившимся стереотипам, и в его романах, повестях, рассказах тиражировались хорошо известные, узнаваемые читателем образы, вошедшие в сферы современной социокультурной мифологии.

Тем не менее очевидно, что опыт Некрасова-прозаика (оставшегося на беллетристическом уровне) отразился в зрелой лирике выдающегося поэта, неслучайно установилось справедливое мнение о «дихотомии стиха и прозы» [Орлицкий, с. 16] в творчестве этого автора. Однако лирика не могла удовлетвориться тем, что было достигнуто в рассказах, повестях и романах, так как «главный нерв» творческого наследия составляло «страстное страданье, преодоление и разрешение в страданье и примирение в нем» [Скатов, с. 397], что бытует только в поэзии Некрасова, но не в его подражательной и рациональной прозе. Бодрый, удачливый, порой авантюрный герой рассмотренной прозы не соответствовал страстям, которых жаждет «некрасовский человек» («Но мне избыток слез и жгучего страданья / Отрадней мертвой пустоты...»), ибо сам автор являлся «русским человеком, несчастным исчадием русской жизни с ее неизменными крайностями и неизбежными полярными противополо-

ложностями» [Скатов, с. 134]. Как видно, «национальный миф» (в его важнейших проявлениях) отрефлексирован Некрасовым именно в его поэзии.

Список литературы

Горленко В. П. Литературные дебюты Некрасова // Отечественные записки. СПб., 1878. № 12 (дек.). С. 149–165.

Евгеньев-Максимов В. Е. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1947–1952.

Литературный энциклопедический словарь / Под общ. редакцией В. М. Кожевникова и П. Н. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.

Манн Ю. В. Диалектика художественного образа. М.: Сов. писатель, 1987. 320 с.

Мельников Н. Г. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века. М., 1998. С. 229–234.

Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 2001.

Орлицкий Ю. Б. Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1991. 200 с.

Скатов Н. Н. Некрасов. М.: Молодая гвардия, 1994. 411 с.

Скобелев Д. А. Петербургский текст романа Ю. П. Анненкова «Повесть о пустяках» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 13. № 4. С. 152–155.

Смирнов С. В. Автобиографии Некрасова. Новгород: Кириллица, 1998. 209 с.

Чуковский К. И. Вступительный очерк // Некрасов Н. А. «Тонкий человек» и другие неизданные произведения. М., 1928. С. 9–21.

Шпилевая Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова: монография. Воронеж: изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. 272 с.

Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

References

Chukovskii, K. I. (1928). *Vstupitel'nyi ocherk* [An Introductory Sketch]. Nekrasov N. A. "Tonkii chelovek" i

drugie neizdannye proizvedeniia. Pp. 9–21. Moscow. (In Russian)

Evgen'ev-Maksimov, V. E. (1947–1952). *Zhizn' i dejatel'nost' N. A. Nekrasova* [N. A. Nekrasov's Life and Work]. V 3 t. Moscow, Goslitizdat. (In Russian)

Gorlenko, V. P. (1878). *Literaturnye debiuty Nekrasova*. [Nekrasov's Literary Débuts]. *Otechestvennye zapiski*. Saint Petersburg, No. 12 (dek.), pp. 149–165. (In Russian)

Jung, K. G. (1991). *Arhetip i simvol* [The Archetype and the Symbol]. 304 p. Moscow, Renessans. (In Russian)

Literaturnyi enciklopedicheski slovar' (1987) [Literary Encyclopedia]. Pod obshh. redaktsiei V. M. Kozhevnikova i P. N. Nikolaeva. 752 p. Moscow, Sovetskaia entsiklopedia. (In Russian)

Mann, Ju. V. (1987). *Dialektika hudozhestvennogo obraza* [Dialectics of the Artistic Image]. 320 p. Moscow, Sovetskii Pisatel'. (In Russian)

Mel'nikov, N. G. (1998). *Poniatie "massovaia literatura" v sovremennom literaturovedenii* [The Notion of "Mass Culture" in Modern Literary Studies]. *Literaturovedenie na poroge XXI veka*. Pp. 229–234. Moscow. (In Russian)

Nekrasov, N. A. (2001). *Poln. sobr. soch. i pisem: v 15 t.* [Full Collection of Works and Correspondence: In 15 Volumes]. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Orlitskii, Ju. B. (1991). *Stih i proza v russkoj literature: Ocherki istorii i teorii* [Verse and Prose in Russian Literature: Essays on History and Theory]. 200 p. Voronezh, izdatelstvo Voronezhskogo Universiteta. (In Russian)

Shpilevaia, G. A. (2006). *Dinamika prozy N. A. Nekrasova: monografiia* [The Dynamics of N. A. Nekrasov's Prose: A Monograph]. 272 p. Voronezh, izdatelstvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

Skatov, N. N. (1994). *Nekrasov* [Nekrasov]. 411p. Moscow, Molodaia gvardiia. (In Russian)

Skobelev, D. A. (2007). *Peterburgskij tekst romana Iu. P. Annenkova "Povest' o pustiakah"* [Petersburg Text of Y. P. Annenkov's Novel "A Story of Trifles"]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*. T. 13. No. 4, pp. 152–155. (In Russian)

Smirnov, S. V. (1998). *Avtobiografii Nekrasova* [Nekrasov's Autobiographies]. 209 p. Novgorod. Kirillica. (In Russian)

The article was submitted on 22.05.2019

Поступила в редакцию 22.05.2019

Шпилевая Галина Александровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Воронежский государственный
педагогический университет,
394043, Россия, Воронеж,
Ленина, 86.
19alex04@mail.ru

Shpilevaia Galina Aleksandrovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin Str.,
Voronezh, 394043, Russian Federation.
19alex04@mail.ru